

МИЯМОТО МУСАСИ

Стать слишком зависимым от одного оружия —
большая ошибка, чем недостаточное знание его.
Не копируй других, действуй по ситуации

Постарайся познать самые малые и самые большие земные
вещи, сравни самые мелкие из них с самыми глубокими. Перед
той же прямой дорогой, ясно прочерченная на твердой почве

Пользуясь методами опережения, решай
ситуации. Не обязательно начинать первым;
но если противник нападает, опережай его

КНИГА ПЯТИ КОЛЕЦ

С КОММЕНТАРИЯМИ
И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Миямото Мусаси
Книга пяти колец
Серия «Популярная
философия с иллюстрациями»

инд предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/71728675>

1;

ISBN 978-5-17-155094-3

Аннотация

<p>Самурайство – историческое военное сословие Японии, которое основано на преданности, честности и самопожертвовании.</p><p>Миямото Мусаси – японский воин, являющийся основоположником школы боевого искусства, в которой он обучал технике на двух мечях.</p><p>«Книга пяти колец» – не просто исторический документ, а истинное наследие и руководство для тех, кто стремится к самосовершенствованию и пониманию боевого мастерства. Мусаси, чьи навыки были отточены с юности, описывает в трактате основы военной стратегии и размышляет о сути войны.</p><p>Читатели откроют для себя знания по кэндзюцу, японскому владению мечом, где изложена философия Восточной Азии и принципы самурайской мудрости, которые актуальны по сей день.</p><p>Также в издание вошла работа «Сборник наставлений на воинском пути»,

составленный теоретиком военного дела Дайдодзи Юдзана.
Текст сопровождается комментариями профессора Александра
Маркова.

В формате PDF А4 сохранён
издательский дизайн.

Содержание

Наука внимания, смирения и победы	7
Миямото Мусаси	19
Свиток Земли	19
Именуемое Путем хэйхо	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Миямото Мусаси Книга пяти колец

В оформлении издания использованы иллюстрации из архива Shutterstock

Составление, предисловие, комментарии Александра Маркова

Перевод с японского языка Андрея Фесюна

© Марков А.В., составление, пре-дисловие, комментарии,
2025

© Издательство АСТ, 2025

* * *

Наука внимания, смирения и победы

Обе книги, включенные в этот том, знаменитая «Книга пяти колец», обучающая уникальным принципам битвы на двух мечях, и «Сборник наставлений на воинском пути», важнейший источник по этике и этикету бусидо, написаны в эпоху спокойствия. Битвы кланов, потрясавшие всю Японию, остались позади, только бродячие певцы рассказывали об обстоятельствах таких битв, добавляя к героической линии непременно любовную. Даже не тренировки, а благородные занятия в широком смысле стали уделом самураев – от изучения конфуцианских и буддийских текстов до выездов на лошади и светского общения со множеством знакомых. Хотя императив вассальной преданности и сохранялся, но сама идея клана постепенно вытеснялась идеей семейства как хозяйственной единицы. Япония вступила в эпоху, которую можно сравнить и с западным Ренессансом, и вообще с любыми вариантами позднего феодализма. В этот период есть и бунты, и смуты, и сражения, но они уже не экзистенциальный вопрос существования строя, а аномалии, как бы предусмотренные самим строем. Если не будет врагов, то с кем сражаться. Но в позднем феодализме экономические интересы всегда могут брать верх, может наступать время

без войн, время светских удовольствий и показного аристократизма.

Но такое спокойствие трудно совместить с этикой воина. Время мелочности, смешения обязанностей, высокомерия и коррупции чиновников, местных интересов и суеверий, наконец, прямого пренебрежения даже самыми святыми своими обязанностями – вот что такое эпоха позднего феодализма. Миямото Мусаси, будучи аскетом и учителем аскетизма, об этом не пишет прямо, он говорит, что его ничего не интересует кроме успеха идеального воина, но вот Дайдодзи Юдзан Сигэске разворачивает панораму порчи страны и борьбы за новую высокую этику воинского сословия. Только эта новая этика может вернуть сословию уважение, и в конце концов, восстановить гармонию в стране.

Конечно, любой текст, написанный в такой период, несет на себе приметы романтической тоски по прошлому, подкупающей нас, современных читателей, особенно когда материал для нас экзотичен. Но если мы просто будем любоваться Японией и ее моральными достижениями, восхищаясь японским рыцарством, мы не поймем ни ту ни другую книгу до конца. Романтическая интонация, которую мы не можем не расслышать в обеих книгах, не должна заслонять от нас то, насколько не романтичны оба автора. Даже когда они едва различимо, но упорно хвалят старые добрые времена, это никогда не бывает патетическим превознесением героев прошлого, как в западной культуре, «богатыри – не

вы». Это всегда повод сказать, что мы будем действовать еще лучше, что совершенства можно достичь здесь и сейчас, что времени нам всем дано не так много, но следя за собой всякий час и всякий момент, мы восстановим истинную духовную суть самурая. Это не приключения традиции, к которым привык западный мир, но та жизнь традиции, в которой всякое внимание к подвигу уже есть начало подвига, а самообладание может достичь такой невероятной тонкости, что сдвигает горы.

Миямото Мусаси (1584–1645) был самураем и, как мы бы сказали, стратегом. Тактические приемы его мало интересуют: в них всегда есть и бахвальство, и случайность, и показная дерзость. Но настоящий самурай – аскет, суровый к себе, следящий за любым своим помыслом, взвешивающий и уравнивающий любое свое намерение. Он всегда идет по краю пропасти, и только чудесной силой поднимается вверх, к вершине боевых искусств. Вероятно, в западной культуре самый близкий к «Книге пяти колец» труд – это «Лествица» синайского монаха первой половины VII в. Иоанна. Иоанн Лествичник также требовал не доверять себе, потому что любой помысел может оказаться тщеславным, контролировать малейшие душевные движения, и все время идти над пропастью греха, поддерживая равновесие не отдельными усилиями, а напротив, неприязнью ко всем человеческим стремлениям, неизбежно пораженным грехом. Не просто ловкость, не просто умение балансировать и находить

золотую середину, но особая щедрость духа, готовность принять самое невероятное, после которого любая вероятность будет односторонней – вот принцип такой аскезы. Поспешный шаг вперед не менее опасен, чем уклонение вправо или влево, потому что он выводит из равновесия, делает тебя podatливым твоим же страстям, расслабляет и потому просто отбрасывает как что-то негодное. Смысл этой аскетики – не быть хорошим, даже не быть героем и подвижником, – но быть годным, понимая всякий раз, что твою годность не ты оцениваешь.

При всем различии перспектив аскетического христианства и японского буддизма общего в понимании пути немало. Как Иоанн Лествичник подводил итоги самоконтроля, созданного античным стоицизмом, и превратил самоконтроль в чудесное и страшное испытание себя, так и Миямото Мусаси подводил итоги традиционной самурайской бдительности, но превратил эту бдительность в способ постоянно подвергать себя проверке, исчерпывать себя, и только в этой мгновенной исчерпанности обретать новую жизненную энергию. Еще одно сходство между обоими аскетическими трудами – безгневие. Гнев – это всегда ложная надежда, попытка опереться на ярость, на оружие, на какие-то инструменты воздействия на других, на крик и кулак. Тогда как безгневие подманивает противника и наносит ему смертельный точнейший удар. Следя за противником, мы не перенимаем его привычки, но понимаем, где мы хозяева, а он – неблаго-

дарный гость, неблагодарность которого мы должны разоблачить, показать, что хозяева и знатоки – мы, и мы должны всех научить сменять неблагодарность на благодарность.

Главная идея книги – умение владеть двумя мечами, длинным и коротким, и сражаться ими одновременно и есть вершина самурайской аскезы. Вероятно, Миямото Мусаси был единственным мастером такого боя: мало кто решался пытаться достичь совершенства в этом искусстве. Ведь оно требует не просто равновесия, а постоянного мгновенного контроля над своими порывами, мыслями, догадками. Ты должен не просто мыслить быстрее своего противника, ты должен уметь мыслить быстрее собственной мысли, должен предвосхитить свою же мысль, прежде чем она прозвучала. Ты обязан, как и в любой аскетике, был неустанным, все время бодрствовать и всё время концентрироваться, но такую концентрацию и неустанность создает бодрствующая мысль, свободно и ясно вылетающая на волю и позволяющая оборот козни врага, прежде чем враг решит, что делать дальше.

Главный сюжет книги – это особый сердечный настрой, ритм, который противопоставляется традиционной стратегии и тактике. Этот ритм, когда ты ему верен, делает твою мысль ясной. Ты должен сбить врага с ритма, заставить его постоянно перестраивать себя, менять позу и тактику атаки. В результате он будет фрустрирован, в том числе и твоей скоростью и догадливостью, и проиграет. Ты действуешь против противника своей пронизательностью, своей мгновен-

ной догадливостью, своим постоянным экстатическим озарением. Блюдя свой ритм, ты блюдёшь чистоту сердца, и становишься мощнее войска. Ведь в войске всегда есть какая-то несогласованность, а ты можешь строгостью к себе полностью согласовать тело и дух.

Эта книга запрещает самураю только защищаться, он должен побеждать. При этом статус его не так важен, и Миямото Мусаси потому и публикует свой труд, что его должен прочесть самурай любого статуса, в том числе обедневший. Прямо здесь каждый может начать аскетический подвиг, научиться воздерживаться от излишеств, потом – от лишних движений, а потом и к необходимым движениям прибегать только тогда, когда они способствуют полной прозрачности, ясности и искренности мысли. Такой самурай может брать уроки у мастеров или из книг, но для него главный опыт – это сражения со всё более трудным противником. Сначала победить опытного мастера, а потом в одиночку целую группу противников – вот бусидо, путь воина. Любое другое бусидо – фальшивка, это отдельные приёмы напоказ. Бусидо – это именно путь; как путешественнику на долгом перевале не к лицу хвастаться и тщеславиться, так и воину, последователю бусидо, неприлично гордиться отдельными приёмами и навыками. Тот прием, который не вписывается в ясный ритм, но напротив, разрушает ритм, будет губительным, а не спасительным. Тот навык, на который ты полагаешься, думая, что можно уже не думать и не концентрировать мысль

в сердце, становится разрушительным для души и тела.

Как и христианская аскетика исихастов, так и аскетика «Пяти колец» требует сводить ум в сердце, то есть создавать особую концентрацию ума, когда любой порыв, любое чувство дает себе сразу отчет, и поэтому учит нашу мысль быть скорой и незаметной для противника. Этой сердечной концентрации противопоставляется страстное чувство, когда самурай полагается не на умное сердце, а на что-то другое, на свою сильную руку, острый меч или хорошо изученные инструкции. Всё это страсти, возбуждающие самурая, дающие краткий успех, но совершенно не обучающие навыку атаки. В лучшем случае страстный самурай научится защищать себя от равных, но в роковой схватке он проиграет любому достойному противнику. Тогда как самурай-аскет, познавший бусидо, и без меча, пойдя в рукопашную, одолеет противника, найдет слабое место еще прежде, чем противник применит силу. Ведь он понимает, чем слаба поспешность, и найдет этот момент поспешности в поведении противника и ударит туда.

Трактат Миямото Мусаси изучается и сейчас, у него немало почитателей в современной японской политической элите и бизнес-среде. Уважение к различным ремеслам, как тоже требующим меры риска, сразу подкупает в этом трактате. Он иногда печален – кажется, что настоящим мастером бусидо никогда не стать. Но на самом деле им можно стать, и мы становимся таким мастером всякий раз, как задумываемся

о смерти. Потому что тогда мы должны не только достойно прожить свою жизнь, но подготовить достойных наследников, сыновей или учеников. И тогда вдруг оказывается, что они могут стать не менее внимательны к себе и строги к себе, чем мы, даже азартно нас в чём-то опередить.

Миямото Мусаси был также живописцем и поэтом. Он гордился родством с кланом Фудзивара (могущественный род периода Хэйан, VIII–XII вв.). Он требовал возродить постоянную военную подготовку, устраивать импровизированные тренировки. И он же делал искусство самураев демократическим: любой мастер, умеющий безупречно выполнять свое дело – потенциальный самурай. Можно строить дома по-самурайски, и инструкции по самурайскому выверенному строительству домов мы находим в обеих книгах.

Его книга делится на пять свитков. Земля – образ знания самой сути, и в свитке Земли описана сущность пути военного искусства. Оно отличается от других искусств бдительностью, верностью себе, особым благородством во всех движениях. Вода – символ единства, единого потока. В свитке Воды поэтому указано, как именно можно преподавать и передавать учение о бое. Это не просто традиция, это особое учение, которое нужно обрести в себе, – тогда ты будешь в мире со всем миром и будешь побеждать всегда. Огонь – символ стремительности. Поэтому свиток Огня рассказывает, как биться в гуще боя, как стремительно и невероятным образом обарывать противника, который во всем себя пре-

восходит. Огненно сражаться – это сражаться так, чтобы ни в чем не уступать, не подводить себя. Ветер – символ всеприсутствия и знания о разных краях, ветер всё знает. И в свитке Ветра мы читаем о других школах, об их достижениях и о том, как истинный воин сам себе и школа, и всё множество школ. Наконец, Пустота в буддизме – это искренность, прозрачность, прямота. В свитке Пустоты мы обретаем сам путь воина, бусидо, как предельную искренность и честность с собой.

Дайдодзи Юдзан (1639–1730), известный также как Дайдодзи Сигэскэ, был выходцем из известной самурайской семьи, ведшей свое происхождение от клана Тайра через Тайра Корэхира (X век). Сигэтоки взял имя Дайдодзи от названия деревни, куда он удалился на покой. Он был хорошим прозаиком и поэтом. Из его прозаических произведений о деяниях самураев уже при жизни прославились Ивабути Ява («Вечерние рассказы в Ивабути») – серия историй о Токугава Иэясу, расположенных в хронологическом порядке, Отибосю – история Иэясу, его родственников и сподвижников, города и замка Эдо, построенного ими, Тайсэдэн («Предания о великих полководцах») и Госинрон («Записки о пяти вассалах»). По сути, он и создал новую форму преданий: новеллистическое оформление не только отдельных уроков, но и всей истории их небывалых подвигов. Книга Будо сёсин-сю («Сборник наставлений на воинском пути») не была опубликована при его жизни, но в конце периода Эдо ста-

ла широко читаться. Читателей привлекал буддизм автора, отход от конфуцианства, что позволяло почувствовать некоторую автономию аристократизма от государства и государственничества.

В жизни Дайдодзи Юдзан был учителем благородства, его трактат в чем-то напоминает такие западные трактаты по аристократизму, как «Придворный» (1528) Бальдассаре Кастильоне. Дайдодзи Юдзан рассуждал, что раз самураи уже занялись чтением книг и светской жизнью, нужно все эти благородные недавно возникшие обычаи превратить в основу нравственной безупречности. Аристократ Дайдодзи, как и аристократ Кастильоне, требует от аристократа легкости духа, даже некоторой небрежности, уважения ко всем людям труда и умения легко со всеми общаться и находить общий язык. Всем нравиться – это быть не суетливым, в чем-то даже беспечным и рассеянным, но при этом умеющим сразу концентрироваться и быть честным и порядочным с собой во всякий миг.

Но главная тема трактата – почтение к родителям и господину. На этом основана вся самурайская и вообще феодальная этика. Но Дайдодзи Сигэске превращает эту тему из социальной в нравственную. Почитать старших – это дать им сбыться в себе. Бусидо пророчесствует в нас, а не просто учит нас. По слову русского поэта, пророчество «как оружие пощады любой и согласия на взмах» вдруг застаёт нас одновременно в строгости своей и кротости, вручая кротость нам, а

строгость – нашему методу боя. Свидетелем такого вручения и был Дайдодзи Сигэске, и многочисленные новеллистические экскурсы, сатира на коррумпированных чиновников и обленившихся самураев, весь этот критический литературный реализм – это рамка такого неотменимого свидетельства, инструмент принятия его всерьез.

Обе книги нас учат и продолжают учить многому. Они объясняют, как именно можно быть собой, когда нас раздрают противоречия: например, не просто нам нужно сделать несколько дел за один день, но каждое дело вызывает свой спектр кричащих эмоций. Они показывают, что любое наше бытовое действие, даже уборка дома или полив цветов – это вполне самурайское дело, не потому, что оно может быть представлено как миссия, а наоборот, потому что мы понимаем миссию вещей по отношению к себе. Цветы, домашние животные, книги и кухонные специи нам даны, чтобы мы смогли не только пробуждать в себе эмоции, но и производить эмоции чистые, извлекать их в любой момент в своей первозданной чистоте. Наконец, они учат, что мы можем совершить подвиг не только чрезвычайным напряжением всех сил. Подвиг начинается, когда силы гармонично распределяются по нашему телу и нашим делам: тогда все видят, что дело, даже самое трудное и неподъемное, можно сдвинуть с мертвой точки. И жизнь тогда сдвигается с мертвой точки и становится живее, чем она могла о себе представить.

*Александр Марков,
профессор РГГУ, ВлГУ и МВШСЭН, ведущий научный
сотрудник ИМЛИ РАН
24 декабря 2024 г.*

Миямото Мусаси Книга Пяти Колец (Горин[-но] сё)

Свиток Земли

Назвав Путь Закона воина Нитэн Итирю (Два Неба, Один Поток), практиковав его на протяжении нескольких лет, [Я] впервые подумал о том, чтобы изложить его на письме, в первую треть десятого месяца двадцатого года эры Канъэй [1643]. [Я] поднялся на гору Ивато в уделе Хиго на Кюсю, восславил Небо, [вознес] молитвы Каннон и склонился перед Буддой. Я – воин Синмэн Мусаси-но Ками Фудзивара-но Гэнсин, уроженец провинции Харима, шестидесяти лет.

Канъэй (защита правосудия) – девиз правления (нэнго) японских императоров Го-Мидзуноо, Мэйсё и Го-Комё, бывший в употреблении с 1624 по 1645 г.

Каннон – богиня буддистского японского пантеона, китайская Гуаньинь. Богиня милосердия, являющаяся людям в разных обличиях, изображалась чаще всего многорукой. В начале труда автор призывает Каннон как благословляющую на доброе дело и спасающую от

внезапной смерти.

Я отдал (прикрепил) свое сердце хэйхо с юного возраста, в тринадцать лет я провел свой первый поединок. В том поединке моим противником был воин Арима Кихээ из школы Синторю, и я вышел победителем; в шестнадцать лет я выиграл у сильного воина по имени Акияма из удела Тадзима. В двадцать один я поехал в столицу, встречался там с воинами из всех краев, и, хотя и говорится, что случаются как победы, так и поражения, не было ни разу, чтобы я проиграл. После я ходил по многим местам, [был] во многих провинциях, встречался [на поединках] с воинами всех школ [фехтования] более шестидесяти раз, но ни разу не был побежден. Все это случилось, когда я был в возрасте от тринадцати до двадцати восьми или девяти лет.

Хэйхо – воинское учение, в узком смысле – безупречное владение каким-либо видом оружия, подтвержденное многократными участиями в поединках. Автор настаивает на том, что он всегда выходил победителем – это и позволяет ему осмыслить теоретически свой путь, не сводя его к советам прежних воинов, которые как раз могли терпеть поражения.

Когда мне перевалило за тридцать, я обернулся, посмотрел на прожитое и понял, что побеждал не оттого, что достиг высшего [мастерства] в хэйхо. Быть может, [это происходило] по той причине, что [я в достаточной мере] воспользо-

вался способностями, [которые открываются на] этом Пути, или не отступал от Принципов Неба (Тэнри). А может, войны других школ не были достаточно [умелыми]? После этого я решил глубже постичь Принцип Пути (Дори), занимался днем и практиковал ночью, однако вышел на [истинный] Путь хэйхо лишь где-то в пятьдесят лет. И с тех пор для меня не было Пути, к которому следовало бы стремиться, – [я сам] излучал свет и отбрасывал тень. Положившись на основы хэйхо, я прилагал их ко всем искусствам и всем ремеслам и ни в каком деле не нуждался в учителях. Сейчас, составляя эту книгу, я не приводил слова ни из Закона Будды, ни из Пути Конфуция, не пользовался древними военными повествованиями и книгами по воинскому искусству; сделав заключение об одной школе, [я решил] полностью раскрыть сердце и, глядясь в зеркало Небесного Пути (Тэндо) и [богини] Кандзэон, в час Тигра ночью на десятый день десятого месяца я взялся за кисть и принялся писать.

Автор выделяет следование *Тэн* (небу) и осуществление *До* (пути) как общий принцип пользования врожденными способностями. Автор по сути настаивает в этом отрывке на интроспекции, взгляде внутрь себя. Отдельные советы мудрецов прошлого ничего тебе не дадут, если ты не сверял сам каждый свой шаг с небом, и тем самым показал в своем владении оружием не просто мудрость, но безупречность.

Кандзэон – то же, что Каннон, одно из именованний этой богини.

Час Тигра – пятая стража, примерно с 3 до 5 ночи. Считалось, что тигры, рыскающие ночью в поисках добычи, в этот час наиболее свирепы.

* * *

Именуемое хэйхо есть учение воинского сословия. Военачальники, безусловно, придерживаются этого учения, простые воины также должны знать этот Путь. В этом мире, [однако,] нет такого самурая, который бы полностью постиг Путь хэйхо. Из раскрывающих Путь [можно назвать] Закон Будды, спасающий людей, а также конфуцианство, раскрывающее Путь письмен; Путь врачей, излечивающих различные болезни, либо Путь [поэзии] вака, [представляемый] составителями песен либо людьми, [занятыми в области] всяческих развлечений, лучниками, представителями различных искусств и ремесел, – все их практикуют в соответствии с различными образами мыслей, так, как это больше подходит («нравится») сердцу. [Однако] мало кто из людей склонен к Пути хэйхо. Приверженность («любовь») двум Путям, то есть войны и письмен, и есть Путь самурая. Хотя у самураев и различные способности, Воинскому Учению надлежит следовать, насколько это возможно. Рассматривая в целом мировоззрение (сердце) самурая, [видишь, что] следует

запомнить одно правило (ги): Путь воина – любовь («склонность») к смерти. Путь смерти, [однако], не предназначен лишь для одних самураев; оставившие семьи (монахи), женщины, все вплоть до сотен низших, зная Долг (гири) и помня о стыде, без различия могут избрать смерть. Я считаю, что для самурая Путь действий [в соответствии с] хэйхо во всем должен основываться на превосходящем человеческое; побеждая в поединке один на один или в сражении со многими противниками, он упрочает свое имя ради [своего] повелителя (сюкун) и себя самого. Все это – посредством доблести (добродетели току) хэйхо. Хотя есть люди («сердца»), которые думают, что, даже изучая Путь хэйхо, действительного толка не добиться. Относительно сути (ги) [можно сказать, что] практиковать его следует, как будто он пригодится в любую минуту, – в таком случае он пригодится десятки тысяч раз – это и есть истинный Путь хэйхо.

Как мы видим, автор отождествляет Путь воинского искусства с одновременной приверженностью двум Путям – оружия и письмен. Имеется в виду одновременно безупречное овладение оружием, исходя из опыта войны, и знание правил боевого искусства,

умение их записывать, запоминать, предписывать себе и учитывать существующие предписания относительно боя. Хэйхо включают в себя и преданность господину, и особую бдительность – нужно не просто уметь давать решительный бой превосходящему противнику, но быть готовым к бою в любой момент. Именно такая сосредоточенность, а не простое знание отдельных приемов боя, и делает человека истинным воином.

Именуемое Путем хэйхо

В земле Хань (Китае) и стране Ва (Японии) сторонники этого Пути всегда назывались следующими хэйхо. Будучи самураем, нельзя не исследовать это Учение. В последнее время появились люди, именующие себя знатоками хэйхо, однако они всего лишь знающие искусство [фехтования] на мечах. Монахи [синтоистских] храмов Касима и Катори из удела Хитати образовали многочисленные школы, [заявляя, что они] происходят от Светлых Божеств (Мёдзин), ходят по всем уделам и обучают людей, – все это началось совсем недавно. С древних времен [фехтование] включалось в десять умений и семь искусств, именуясь «достойным занятием» (риката), и, хотя и говорили, что оно превосходит [обычные] искусства, чем именовать его «достойным занятием», следовало бы сказать, что оно не ограничивается простым умением владеть мечом. Трудно знать искусство фехтования единственно с помощью навыков владения мечом. Несомненно,

мненно, таким не по силам тягаться с воинами, [практикующими] Учение.

Настоящее хэйхо противопоставлено простой физической ловкости, которая становится поводом для местной гордости синтоистских монахов. Автор доказывает, что называть искусство быстро и ловко наносить удары мечом божественным можно только если следовать предписаниям, в том числе требующим скромности.

Взглянув на [то, что происходит] в этом мире, видим, что все искусства предлагаются на продажу; люди рассматривают себя как предметы торговли; изготавливают всевозможные приспособления и желают продать и их, а ведь это – как дву[единство] цветка и зернышка, и получается, что зерен меньше, чем цветков. Особенно на этом Пути хэйхо украшают [уже] красивое, заставляют [не ко времени] распускаться цветы, выставляют напоказ свое умение или говорят: мы из той школы или мы от двух школ; учат одному пути, объясняют другой и думают извлечь из этого выгоду; поистине, как кто-то говорил: «Неполное (сырое) хэйхо – источник тяжких ран».

Выставление искусства напоказ, быстрые успехи, поспешная ловкость – всё это для автора признак незрелого, а потому болезненного хэйхо. Торопливый воин «украшает уже красивое», то есть хвалится искусством, которое прекрасно и без него, вместо того чтобы понять, как дальше следовать по избранному пути.

В целом для человека в этом мире есть четыре способа (пути) существования: [быть] воином, крестьянином, ремесленником или торговцем. Первый – Путь крестьянина. У него различный инвентарь, он трудится, не обращая внимания на изменения (обращения) четырех времен года, [равно] провожая и весну, и осень, – таков Путь крестьянина. Второй – Путь торговца. Изготовителям сакэ требуются всевозможные приспособления; обретая выгоды и терпя убытки, ведут они [свою] жизнь. Таков путь торговли, со всеми преимуществами и недостатками. Третий – Путь воина. На этом пути самурай использует различное оружие и посредством его

старается применять его достойным образом, – таков Путь воина. Да и может ли именоваться самураем тот человек, кто не умеет пользоваться оружием и не понимает особенностей самого различного вооружения? Четвертый – Путь ремесленника. Плотник владеет самыми разными инструментами, знает назубок особенности всех предметов [труда], употребляет каждый из них умело, получая за это деньги на жизнь, и таким образом существует в этом мире. Таковы Четыре Пути: воина, крестьянина, ремесленника и торговца. Уподоблю хэйхо Пути умелого ремесленника («плотника»). Сравниваю с плотником, так как существует относящееся [к ним обоим] понятие «дом». Благородные дома, воинские дома, Четыре Дома [клана Фудзивара] – все они или разрушаются, или продолжают существовать, и, поскольку мы говорим о неких школах, неких стилях, неких профессиях как о «домах», я буду сравнивать [военное дело] с [искусством] плотника. [Слово] «плотник» записывается [двумя иероглифами, означающими] Великое Умение; Путь хэйхо также является Великим Умением, посему я буду излагать в сопоставлении с плотницким [искусством]. Если кто желает заняться Воинским Учением, хорошенько поразмысли над этой книгой; когда учитель – игла, ученик становится ниткой, посему следует непрестанно упражняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.